

О.В. Головашина
Oksana V. Golovashina

Гражданин и государство в Советском Союзе: лингво-когнитивное моделирование
Citizen and the state in the Soviet Union: linguistic and cognitive modeling

Статья подготовлена по результатам научно-исследовательских работ, выполненных при поддержке Гранта Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук № МК-1981.2013.6, проект «Историческая память и формирование гражданской идентичности в современной России».

Аннотация, abstract: В статье на материале журнала «Мурзилка» раскрываются особенности формирования гражданского самосознания подрастающего поколения в 1925 – 1934 и 1975 – 1984 годах. Показано, что в отличие от современных детских журналов, основной контент «Мурзилки» советского периода был посвящен формированию читателей как граждан СССР. Читатель «Мурзилки» должен быть трудолюбивым, хотеть и уметь жить в коллективе и ставить интересы государства выше своих собственных или интересов близких. Советский Союз в 1925 – 1934 годах рассматривался как плацдарм для дальнейшего движения революции, поэтому в читателях формировалось классовое сознание, интернационализм, готовность сражаться с «буржуями». Образ Советского Союза как «семьи народов», великой сплоченной державы, где все равны (1975 – 1984 гг), соответствует образу СССР в представлениях современных россиян.

The article describes the features of civic consciousness of the younger generation in the 1925 – 1934 and 1975 – 1984 years in the Soviet Union.

Ключевые слова, keywords: лингво-когнитивное моделирование, гражданское самосознание, Советский Союз, linguistic and cognitive modeling, civic consciousness, the Soviet Union.

Автор, author: Головашина О.В. – Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, golovachina-ov@rambler.ru

Golovashina O.V. – Tambov State University, Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, golovachinaov@rambler.ru

УДК 81'33

Статья поступила в редакцию: 27.08.2013

Статья принята к печати: 20.09.2013

© О.В. Головашина, 2013

Гражданская идентичность относится к числу феноменов, исследование которых невозможно в рамках какого-либо одного научного направления. Широкое распространение данного понятия и введение его в междисциплинарный научный дискурс связано с именем Э. Эриксона. Исследуя вслед за З. Фрейдом прежде всего индивидуальную идентичность, Э. Эриксон выделил значимость общественных факторов в интернализации культурных норм, освоении социальных статусов и социальных ролей. Сам термин «идентичный» переводится с латыни как «тождественный», а «идентификация» – это процесс установление тождества между предметами, процессами и проч. В человеческом сообществе идентификация – это признание совпадения между людьми не в деталях, а в главном, сущностном.

Гражданская идентичность – это процесс установления тождества между человеком и государством, гражданином которого человек является. Если для Ж.-Ж. Руссо гражданская идентичность связана с «государственной религией», а для Милля – с национальностью, то в современном мире процессы идентификации не поддаются жесткому структурированию. Гражданство в классическом понимании это слова «... кажется совершенно несогласной с решительно мультикультурной природой многих современных обществ» [Weinstock 2002, P. 242]. Что такое идентичность в эпоху всеобщего кризиса идентичности? С чем идентифицировать себя гражданину государства, основной ценностью в котором является отсутствие ценностей? Должна ли идентич-

ность быть выбором каждого гражданина или ответственность за ее формирование лежит на государстве?

«Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-нибудь системе, которая направляет бы его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые, в конечном счете, парализуют его способности, а значит, и жизнь», – писал Э. Фромм [Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2002. С. 78]. Гражданская идентичность является только одной из многих, с задачей определения которой сталкивается индивид в процессе своей социализации, однако именно от нее зависит социальная стабильность в обществе. Поэтому исследования опыта, а так же механизмов формирования гражданской идентичности необходимо для повышения сплоченности современного российского социума.

Представления человека об окружающем мире, государстве, власти и самом себе, хранятся в его сознании в виде когнитивных структур: фреймов, сценариев, концептов и т.д. Несмотря на различные трактовки данного понятия, большинство лингвистов сходятся в том, что фрейм представляет собой модель организации информации в сознании. Через мышление фреймы определяют действия и поведение людей. Рассматривая информационный контент, характерный для какого-либо периода, социального слоя и т.д., мы можем понять, как данный контент влиял на людей и историю. Исследования общественно-политического контента позволяет внести

вклад в изучение механизмов, в том числе, формирования гражданской идентичности.

Задачей данной работы является исследование опыта формирования гражданской идентичности в Советском Союзе по материалам журнала «Мурзилка». Журнал «Мурзилка» начал издаваться с 1 мая 1924 года тиражом 20000 (к 1933 году – 300000) экземпляров. Как официальное издание «Рабочей Газеты» для детей 4-7 лет, «Мурзилка» не только должен был отражать в себе «ребячье житье-бытье и природу», но и показывать «как ребята должны работать сообща, чтобы им весело было от работы». То, что издание журнала начало уже в 1924 году, доказывает, какое большое значение отводила советская власть идеологическому воспитанию подрастающего поколения.

В 1975 – 1984 гг. журнал «повзрослел»; его основным адресатом стали октябрята, то есть, дети 7 – 10 лет, а «некоторые ребята не расстаются с журналом и в пионерском воз-

расте» (85, 6). Тираж журнала увеличился до 5 700 тыс. экземпляров. Улучшилась качество полиграфии, литературная ценность материалов, однако их идеологическая нагрузка уменьшилась.

Журнал издается до сих пор, однако, именно в Советском Союзе «Мурзилка» выступал в качестве издания-монополиста для данной возрастной группы. Находившись под контролем государственных органов, журнал предоставлял идеологически нужную информацию, которая дополняла знания, полученные ребенком в детском саду или в школе.

Исследуемый контент был разделен на четыре основных блока: материалы, связанные с государством, личность, нейтральные и познавательные материалы. Последние два блока необходимы были только для того, чтобы выделить процент текстов, которые несут идеологическую направленность.

В таблице представлено количество материалов по блокам.

Таблица 1. Количество материалов, посвященных различным блокам в 1925-1933 гг.

Год	государство	личность	нейтральные	познавательные
1925	20	33	31	20
1926	22	42	48	18
1927	30	30	45	32
1928	36	34	48	31
1929	47	38	46	27
1930	60	51	21	16
1931	69	44	15	11
1932	84	54	10	12
1933	70	41	12	8
1934	56	30	15	11

Таблица 2. Количество материалов, посвященных различным блокам в 1975-1984 гг.

Год	государство	личность	нейтральные	познавательные
1975	44	22	36	11
1976	45	19	23	16
1977	49	17	30	4
1978	35	24	23	33
1979	46	27	42	17
1980	47	22	33	26
1981	43	16	52	21
1982	53	32	29	9
1983	46	17	38	23
1984	49	17	46	8

Для примера рассмотрим содержание номеров за 1930 и 1980 гг.

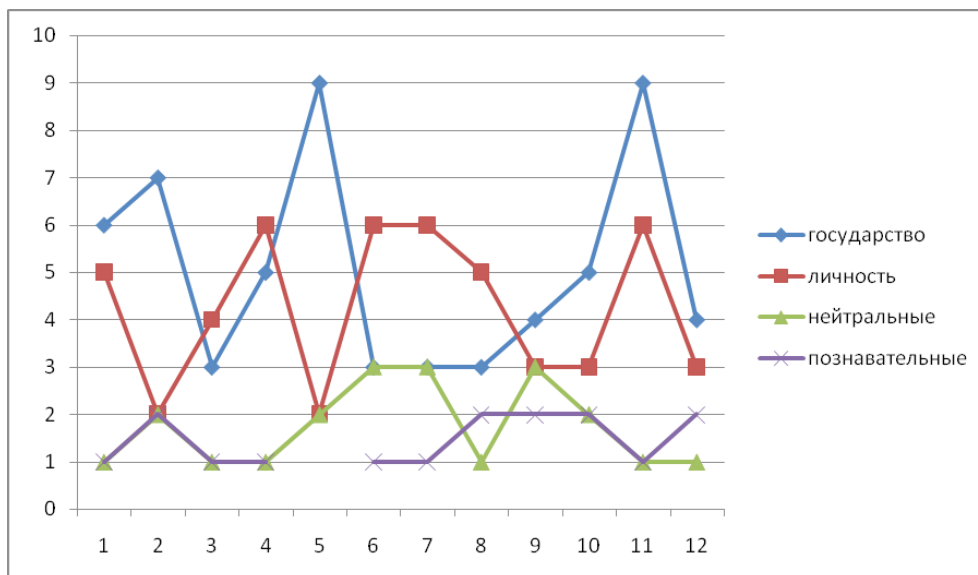

Рисунок 1. Содержание номеров журнала «Мурзилка» за 1930 г.

Увеличение числа текстов, связанных с государственной тематикой, в майских и ноябрьских номерах в «Мурзилке» за 1930 год, связано с главными государственными

праздниками в Советском Союзе – Днем солидарности трудящихся и Днем Октябрьской революции. Подобная схема характерна для всех номеров первого исследуемого

периода. В январских номерах обязательно присутствуют тексты, связанные с Владимиром Лениным (слот «образ власти», который так же относится к блоку «государство»), в февральских – про доблестную красную армию (слот «армия»), которая всегда готова

встать под знамена всемирной пролетарской революции. Летние номера, как правило, были менее идеологически нагружены, а к концу года подводятся итоги очередного года пятилетки и обещают сделать следующий год еще более продуктивным.

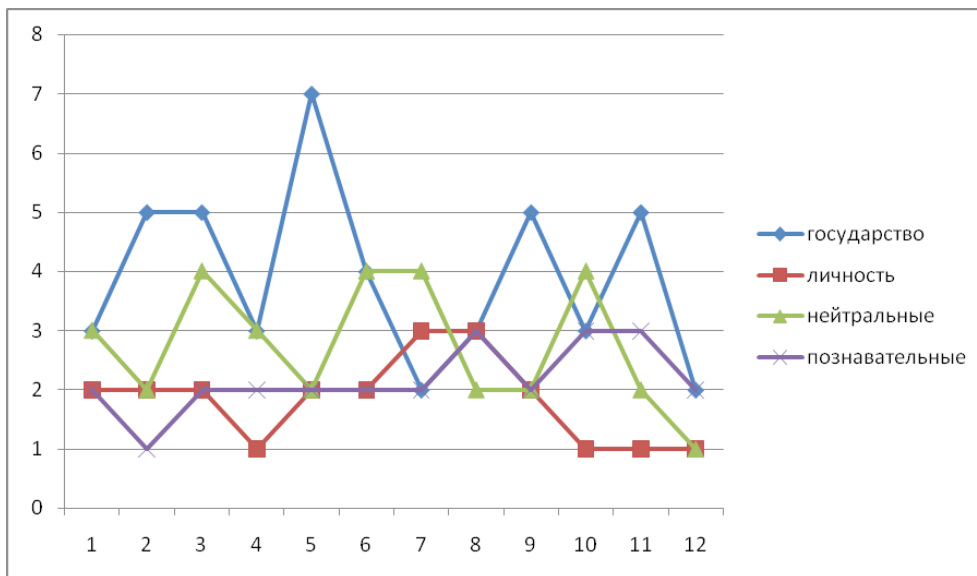

Рисунок 2. Содержание номеров журнала «Мурзилка» за 1980 г.

В течение периода 1975 – 1984 гг. самым идеологически-загруженным месяцев по-прежнему является май, однако основное внимание уделяется Дню Победы, а не 1 мая. Про армию так же довольно много материалов в февральских номерах, однако, их содержанию е связано, опять же, с подвигами во время Великой Отечественной войны.

Больше внимания, чем в прежний исследуемый период, уделяется семье (март) и школе (сентябрь).

На диаграмме видно, что тексты общественно-политического содержания занимают более половины всего контента в обоих исследуемых периодах.

Рисунок 3. Содержание номеров журнала «Мурзилка» за 1925-1934 гг.

Рисунок 4. Содержание номеров журнала «Мурзилка» за 1975-1984 гг.

Даже беглый просмотр современных журналов для детей показывает, что в них, включая современные издания «Мурзилки», материалам общественно-политической тематики посвящено не более 10 % контента.

Так как «Мурзилка» находилась под идеологическим контролем, содержание журнала соответствовало образу идеального гражданина советского государства. Однако представление о том, каким должен быть «строитель коммунизма», менялось в зависимости от социальных и политических условий, и «Мурзилка» является в этом отношении своеобразным зеркалом идеологической жизни в Советском государстве. Не для детей был журнал в первые годы его существования, а для строителей коммунизма. Рассказы о природе больше соответствуют занятиям в средней школе, а каждое стихотворение, текст несут какую-либо идеологическую или информационную нагрузку. Знакомая «Репка» преобразуется в рассказ о том, как шофер, милиционер, рабочий, ломовой, пионер и, конечно, октябренок (за мышку) тянули застрявший грузовик (25,08), а сказками называются рассказы о тяжелой жизни китайских рабочих, крепостных крестьян в дореволюционной России или описания экзотических животных. Если у детей принято лепить снежную бабу, то пусть они лепят из снега бюст Ленина, а чтобы покататься на горке, ее надо сделать своими руками. «Мурзилка» служат источником политической информации: о том, как «рабочие будут помогать крестьянам объединяться в колхозы» (30,03), о разных собраниях, успехах пятилетки, тяжелой жизни пролетариев и их детей на Западе и т.д. В период интенсивного

социалистического строительства «ребята со своей стороны должны усилить свою учебу, помогать собирать утильсырье, помогать взрослым в их работе» (30,10). Не родители являются авторитетом для детей, а ребята выступают как пример для подражания родителям. В 1970-е годы читатель «Мурзилки» живет не в молодой стране, борющейся со всем миром, населенным буржуями, а самом развитом государстве. Он дружит с детьми всех стран, а не готовится спасать их от голодной смерти. Его главная задача – не быть примером для родителей, живущих во власти предрассудков (заниматься активной общественной и идеологической работой), а учиться, чтобы продолжить мирное социалистическое строительство. Детям вернули семью, разрешили детству быть счастливым, но перестали в каждом номере объяснять, какая цель жизни у каждого советского человека.

На диаграммах представлено распределение основной тематики выделенных ранее блоков.

На рис. 5 заметно, что основные блоки не менялись на протяжении двух исследуемых периодов. *Государственные праздники* использовались для того, чтобы напомнить юным читателям и их родителям о главных приоритетах развития государства, а так же подчеркнуть важную роль образования для подрастающего поколения и армии как защитницы государства. Однако, если в 1925-1934 главными праздничными днями были 1 мая и 7 ноября, то в 1975 – 1984 гг. акцент переместился на День победы. Уменьшилось и внимание к государственным праздникам (12 % всех материалов блока против 7 %).

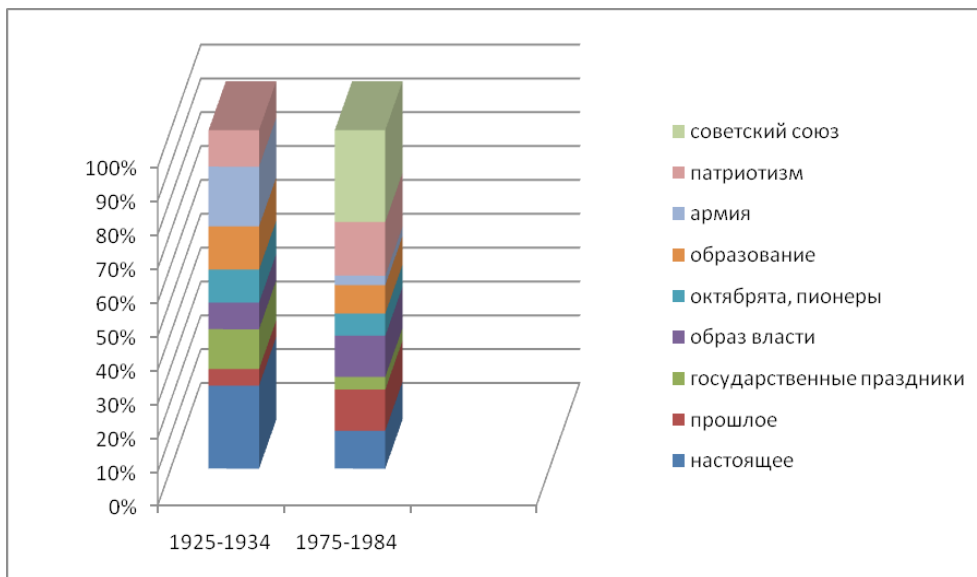

Рисунок 5. Блок «Государство»

В 1920-е детям подробно рассказывали о подготовке к памяtnому дню, демонстрациях, а некоторые страницы журнала напоминали плакаты с лозунгами; в 1970-е читателям просто напоминали, что 7 ноября «праздник победы рабочих и крестьян России над помещиками и капиталистами» (1976, 11) или ограничивались картинкой с констатацией очередной годовщины Октябрьской революции. День солидарности трудящихся «потерялся» за 9 мая; в 1970-1980-е май позиционировался как месяц праздников, и наряду с Днем победы (которому все-таки уделяли больше внимания), поздравляли не только с Днем солидарности трудящихся, но и с Днем печати и Днем радио.

Образованию уделялось много внимание, независимо от периода, однако, если в 1925-1934 основные тексты были посвящены ликвидации безграмотности, а так же школе

как самому желанному для каждого читателя «Мурзилки» месту, то 1970-е с образованием связана основная роль советского школьника – учиться, чтобы потом пойти работать: «А твоя работа – в школе. Труд твой Тоже на виду. Слава Честному труду» (79, 09). Если в первое десятилетие существования «Мурзилки» для пропаганды образования всегда было подходящее время, то в 1970-е 1 сентября объявлялся если не государственным, то «всемирным праздником». Читатель 1930-х готовился идти «на борьбу и на труд» (32,05), а не просто учиться. Образование стало более формализованным – «учиться, чтобы учиться»: «мчись на урок – да чтобы был бы прок» (79,9), «сейчас твоя работа – учиться, учиться качественно, терпеливо, чтобы стать человеком» (82,2), «а от тебя зависит общее счастье. Чтобы оно до конца было полным, учишь получше в школе – получше делай свою работу» (76,1).

Слот «образ власти» связан, прежде всего, с мифологизацией основателя государства. «Дедушка Ленин» написал много книг, «которых боятся буржуи» (25,01), с покупкой мяча для колонии помог (25,03), и сам в мячик с детьми готов поиграть (29,01) торт в детский дом «своим ребятишкам» передаст (26,01) и даже лисицу застрелить не может, потому что «очень уж она красивая» (25,02). Это «первые слова», которые складывает малыш из кассы букв (25,3). Через несколько лет после смерти Ленина образ нового героя стал еще более мифическим: «Он сильнее белого медведя, К детям он добрей, чем день весенний, Лучше и умнее всех на свете, Вот такой он, этот дядя Ленин» (28,1), и при этом «совсем простой человек, и одет попросту, и говорит, как все говорят» (29,1). «Мы – красные солдатики, И все даем обет, Что дедушки любимого Мы выполним завет» (25,02), – должны повторять юные читатели. В 1970-е из идеала Ленин превращается в идола: «Живи как Ленин, будь честным в борьбе за правду, за Ленинское дело, люби Родину, будь хорошим, верным товарищем» (79,5); ведь «на Земле еще не было человека, который сделал для простых людей столько, сколько Владимир Ильич Ленин. Потому так велика любовь к нашему учителю и вождю» (74,4) – «правдой ленинской живем и сегодня» (80,1), «с нами был великий Ленин – Ленин с нами и сейчас» (76,2). В юбилейный год тексты, посвященные вождю мирового пролетариата, присутствовали в каждом номере. Если в 1920-е Ленин был единственным представителем советского политического Олимпа, которому были посвящены хвалебные тексты, то в 1970-е обязательными становятся поздравительные открытки «дорогому Леониду Ильичу», а так

же регулярные уже в 1980-е сообщения о смене Генерального секретаря.

Если в 1920-е гг. *армия* готовилась защищать пролетариат во всем мире («Мы раздуем пожар мировой Церкви и тюрьмы сравняем с землей, Ведь от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее» (31, 02)), то 1970-е тексты, связанные с армией, посвящены, в основном, Великой Отечественной войне или борьбе за мир – «на страже мира, счастья и свободы солдат Советской Армии стоит» (77,2). Армия больше не рвется в бой против «буржуев», а уже сделала свое дело – защитила Родину («пришли наши, мы бежали навстречу, плакали от радости и только и говорили: «Родные! Наконец-то пришли» (79,05)). Армия становится, прежде всего, родной, а не красной или рабоче-крестьянской. Октябрюта не рвутся в бой за правое дело, а «верят, что небо будет мирным над всей планетой» (77,5).

Именно с победой в Великой Отечественной войне связано и содержание слота «*патриотизм*», присутствующего только во втором исследуемом периоде. В 1920-е внушали не любовь к стране, а *классовое сознание*, неприемлимую бинарную оппозицию «буржуи – пролетариат»; идентификация должна была происходить по классовому признаку, а не по национальной или государственной принадлежности – «мы не ребята глупые, мы войско Октября» (31,03) Молодому государству еще нечем было гордиться, и формирование идентичности связывались с уже существующими (или внушенными) традициями своего социального слоя. В номерах за 1975 – 1984 гг. слово «буржуй» не встречается и бинарность уходит. Советский школьник уже не собирается помогать воинам-интернационалистам, спасти голодных детей; он живет

в самой лучшей стране, его детство самое счастливое, а о тяжелой жизни детей в капиталистических странах если и сообщаться, то только для того, чтобы читатель «Мурзилки» понял, как ему повезло, и возблагодарил бы советскую власть – хотя на этом тоже никто в 1970-е не настаивает. Детям, конечно, напоминают – «это в советской стране живут счастливо. А в капиталистических странах жизнь совсем иная» (76,06). Основные мотивом формирования патриотизма является победа в Великой Отечественной войне: «Ваши деды воевали за то, чтобы у вас была счастливая жизнь» (75,05).

Специфическим для 1975 – 1984 гг. является и слот «советский союз», занимающий 29 % всего контента. Обязательными почти в каждом номере являются рассказы о народах, населяющих Советский Союз, их быте и, конечно, о том, как к лучшему изменилась их жизнь после того, как они попали под крыло советской власти (серия репортажей «октябрята – по стране Октября»). Потому что для того, «чтобы крепче любить свою Родину, нужно хорошо ее знать» (81,2). Ребенку внушалась гордость за бескрайнее Отечество («пусть все видят, какая красивая наша страна» 79,06), в котором все народы живут, как дружная семья («одной большой семьей живут народы» 77,02). Неудивительно, что «дружба народов» является наиболее распространенной ассоциацией на Советский Союз среди современных россиян: «Советский народ – это 100 разных народов. Они живут вместе как братья в дружной семье. Русский – это имя, советский – фамилия» (81, 10), «Наших братских республик народы К коммунизму сплоченно идут» (77,10), «советское государство – дружная семья равноправных народов. Мы сильны дружбой

всех народов и народностей, населяющих нашу страну» (76,12). Интернационализма, доминирования классовой идентичности в ущерб государственной уже нет, хотя – как пожелание «мы хотим, чтобы братьями стали все народы Земли» (77,08).

К слоту «настоящее» относится описание успехов, как правило, в промышленности. В период форсированной индустриализации успехи социалистического строительства внушали гордость за страну «Эти новые дома Революция дала» (32,12). Детям активно предлагалось поучаствовать в становлении молодой страны при помощи разнообразных займов («Всем садом купили «заем» (32,8)). Слова «пятилетка», «прорыв», «план» становятся частью лексикона детей 4-7 лет. На рис. 5 заметно, что этот слот самый значительный в контенте данного периода; за неимением богатого прошлого, объединяющих традиций, четких и реалистичных представлений о будущем успехи настоящего – самое лучшее, что подходит для интенсивного формирования гражданского самосознания жителей молодого государства. В 1975 – 1984 успехов становится намного меньше; разве только БАМ, неясные планы по поводу рек Средней Азии, ну и космос иногда вспоминали. Больше материалов было в логике пожеланий – что, сколько и кому даст очередной пятилетний план (каждой семье – отдельную квартиру к концу 80-х, к примеру).

«Прошлое» было даже у государства, существующего несколько лет – тексты были посвящены борьбе пролетариата за свободу, тяжелой жизни крестьян при царизме и, конечно, революции 1905 года. В отношениях прошлого и настоящего присутствует та же бинарность – мрачные времена царизма про-

тив счастливого советского настоящего («А и шумно у вас тут, и весело. А прежде-то сколько лет на зеперти дом стоял, никого сюда не пускали. Сам хозяин за границей жил, а дом по его приказу охраняли, и во двор, и в сад никто войти не мог, потому что собаки злющие спущены с цепи были. Слушает Марфутка и удивляется. Мала она, застала старого времени и родилась уже свободной гражданкой» (72,11)). К 1970-м прошлого стало намного больше; не только из-за того, что страна отме-

чала уже не первый юбилей, а еще и потому, что было признано вполне соответствующим потребностям современного государства часть досоветской истории. На страницах журнала появляются рассказы о Куликовской битве, подвигах Суворова и даже серия адаптированных былин про богатырей. Если любые предания, фольклор отрицались в первое годы советской власти, то теперь читателям внушают «вечные сказки – сказки народные, в них спрятана волшебная сила» (81,6).

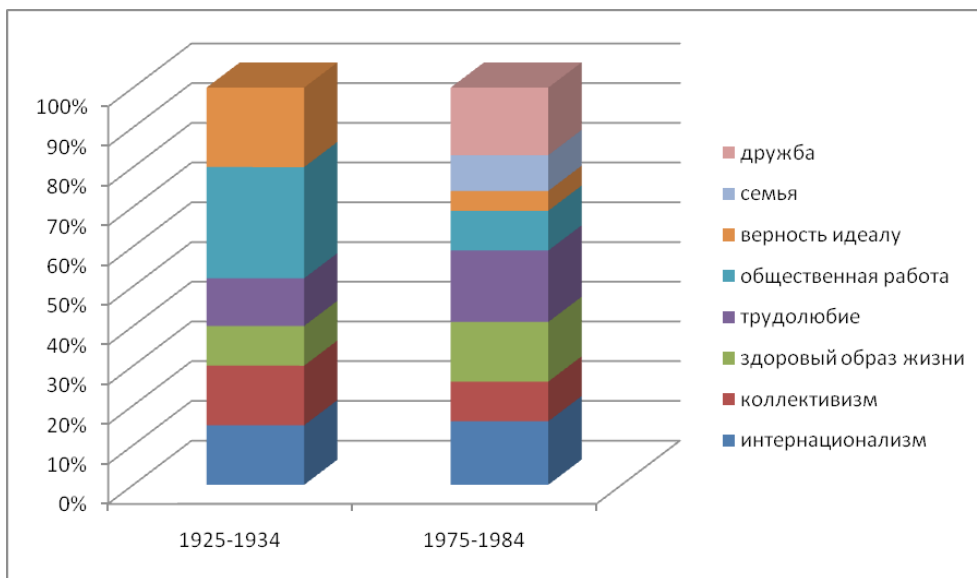

Рисунок 6. Блок «Личность»

Как и в блоке «государство», по рис. 6 можно увидеть, что основные слоты совпадают. Формированию *интернационализма* уделяется много внимания в обоих исследуемых периодах (15 % и 16 % соответственно), однако содержание данного понятия менялось. Если для детей 1925 – 1934 гг. интернационализм – это борьба с буржуями («когда

вырастем, вас заменим и тогда покажем всем буржуйам китайским и всего мира» (30,1)) и защита угнетаемых детей капиталистических государств («мы идем с сознанием гордым, Счастьем, радостью горя, что дождемся, что добьемся Мирового Октября» (24, 7)), то в читателей 1975 – 1984 гг., в основном, учат дружить с ребятами из социалистического

лагеря. Сообщения о страдающих из США, Англии единичны («нелегко и беспокойно жить в иных чужих краях. Сколько там людей достойных гибнет в тюрьмах и в боях» (76,2) и не вызывают такой сильной эмоциональной реакции, как истории об умирающем от голода и побоев маленьком китайском рабочем. Если раньше детям внушали, что «каждый твой пяточек разбивает стены капиталистических тюрем» (31,1), то сейчас читатели ограничиваются письмами в «Мурзилку» на имя американского президента.

Содержание слотов «трудолюбие» и «коллективизм» особенно не менялось, однако внимание к формированию коллективизма снизилось. В 1975-1984 гг. основные примеры, направленные на воспитания юного строителя социализма, связаны со школой или вообще какими-то лозунгами без конкретных примеров («и чтобы каждый нашел свою долю в общей радости, общем труде» (79,6), «мы родились, чтобы приносить людям пользу» (80,11)), а в предыдущем исследуемом периоде – с общественной работой. Это же, хотя и в меньшей степени, относится и к формированию трудолюбия.

Сама *общественная работа* – основной слот в 1925-1934 годах, – практически отсутствует в 1970-е. В первое десятилетия существования Советского Союза дети помогали беспризорникам, сажали деревья, готовили детские площадки, занимались ликвидацией безграмотности («на стройку быта смелей, ребята, С рабочими в ногу ровный ряды Нам в новой жизни дела Ведь эту жизнь построим мы» (31,1). Юные читатели должны активно «участвовать в строительстве страны» (30,06) – начиная с 1930 г. «мурзилкина почта» посвящена исключительно сбору денег на нужды пятилетки (« Мы

тоже хотим помочь нашему рабочему государству, потому что знаем, что нам никто, кроме нас самих, не поможет строить заводы и фабрики. А капиталисты хотели бы нас разорить и воевать с нами, потому что у нас красная власть. Мы все подписались на заем «Первого года второй пятилетки» и проверяем, подписались ли родители» (33, 6)). И, к примеру, липовый цвет – это не просто красиво или полезно; главное «Знай, кто не глуп: Выручим денег, радио купим В клуб!» (30,06). Дети борются с неграмотностью, собирают лом, мешки для мусора, старое железо, лекарственные травы, работают в колхозах, проводят всеобуч. «Будь, рука, сильней! Мы помогаем Нашей стране» и «не тихонько, ни шаг за шагом А быстрыми темпом, все вперед» (31,01). Если читатели 1930-х «взрослым пример мы подадим» (31, 9-10), то в 1975 – 1984 гг. они только учатся, ну и иногда напоминают о том, что воду и все прочее нужно экономить. Дети готовы взять что-либо «под свою надежную октябрюшную охрану» (79,5), но реальных общественно-значимых дел нет.

Практически исчез из контента 1975 – 1984 гг. и распространенный в первое советское десятилетие слот «*верность идеалу*». Октябрюшата перестали учить пионеров, как правильно соблюдать заветы Ильича, следить за родителями, чтобы они не опаздывали на работу или – тем более – не решились уволняться. В первый исследуемый период авторитет и настойчивость детей должны использоваться исключительно в нужных государству целях: «помощь родителям изжить прогулы» (30,12) и, конечно, подписываться на займы «Эй, ребята! Заданье вам: Агитируйте пап и мам, Расскажите, какая цель Постройки таких кораблей» (30, 12). В эту

работы должны быть включены все, так как «каждый мальчик, каждая девочка, все, все ребята должны были готовиться строить новую жизнь» (31,06) В 1975 – 1984 гг. идеалами больше становятся герои войны и – иногда – даже родители, а не гипотетические принципы строителя коммунизма. Пафосные лозунги сохраняются («коммунист – это тот человек, у которого сердца хватает на всех» (81,02), однако идеал становится ближе к читателям «Мурзилки»: «моя бабушка жила честно, работала на совесть, как и положено советскому человеку» (81,07).

О семье как об отдельном слоте имеет смысл говорить только применительно ко второму исследовательскому периоду. Семьей для ребенка в 1925 – 1934 годах должна была стать новая социальная общность, а не родственники. «Не один я, а нас много – у меня миллионы братьев» (24,07), – говорит юный октябренек. «Октябрята – так всегда, Все – одна семья» (24,8). Поэтому концепты «сын», «дети», довольно распространены в журнале: «дети пролетариев», «дети Октября» (самый распространенный в журнале концепт данной тематики), «октябрята – пионеров братья», «дети фабрики Трехгорной», «ребятам всего мира единая семья», «коммуны верный сын». Все октябрята – «братики» (30,05). И если октябрята – «дети фабрик и огня», то место матери в этой новой советской семье занимает революция: «ждет там мать всей земли – революция». Папы пока (на исследуемом временном промежутке) нет, это потом все будут знать «отца народов». Место «дедушки» занято «дедушкой Лениным», (Октябрята – внуки Ильича (25,11)) и, конечно, ни один реальный дедушка превзойти его не может. Слабо конкурировать с дедушкой

всех октябрят (следовательно, всех читателей «Мурзилки») может только однажды появившийся на страницах дедушка-бывший революционер (25,12). Родители в этот период представляли собой часть прошлого мира, требующего преодоления; они однозначно лишены авторитета. «Хоть родная меня мать Не ругала, Все же с Петьюкою в отряд Не пускала» (24,05). Ребенок, конечно, убежал, и с позиции новой морали поступил правильно – не зря его в пример в стенгазете привели. В мире взрослых – если они не члены партии – царствуют предрассудки, суеверия. Взрослые неграмотны (и дети «стариков, поди, научит Счету и письму» (27,11)), не знают элементарных вещей (нормы гигиены, правила уборки и т.д.), которым октябрята должны их обучить. Дети всегда добиваются того, что им нужно, взрослые только вздыхают: «Разве с ребятами сговоришь?» (29,01), «сделал по-своему, молодец» (29,08). В 1970-е ситуация меняется. Во-первых, родители уже стали другими. Это не те неграмотные крестьяне, которые терпели помещиков и царя, а теперь в колхозы вступать не хотят. Теперь родители – это поколение, выросшее в новой стране, и критиковать их – это критиковать последние 30 лет истории советского государства. Поэтому можно и совместный отдых пропагандировать, и советовать слушаться старших. В качестве еще одной причиной определенного возвращения авторитета семьи нужно назвать Великую Отечественную войну. Солдаты шли в бой не только за Ленина и Сталина, но – прежде всего – за свои дома и семьи. Поэтому в 1970-е мальчик уже хочет быть похожим на папу (78,11), а родина начинается с мамы (81,03). Хотя идеал советской семьи не изменился. По-прежнему «Папа, только рас-

светает За окном – И на завод. В магазин летит бабуся И вздыхает: «Ох, боюсь я». Ну а мама где и брать? Упорхнули в детский сад». (76,8). В конкурсе «Когда я стану взрослым (1975 год) читатели рассказывают о своих будущих трудовых успехах – и никто ни разу не упомянул, что собирается стать хорошим отцом или матерью, любить детей, заботиться о старших.

В качестве особого слота выделяется так же *дружба* – действительно новый сюжет в «Мурзилке» по сравнению с периодом 1925 – 1934 гг. Если коллективизм связан не столько с взаимовыручкой, сколько с тем, чтобы осуществлять «воспитание в коллективе и через коллектив», то дружба предполагает, прежде всего, отношения личностей. Даже рабочие всего мира объявляются не товарищами, как раньше, а друзьями (76,05).

То, что для Советского государства был характерен культ *здоровья*, отмечали многие советологи. Поэтому слот, посвященный здоровому образу жизни, был обязательным в журнале, не зависимо от исследуемого периода. Но если в 1925 – 1934 гг., в основном, читателей приучали к элементарным нормам гигиены (мыть руки, умываться, правила поведения на воде, проветривание помещений и т.д.), то в 1975 – 1984 гг. материалы посвящены различным видам спорта – особенно в 1979 году в преддверии олимпиады.

Выводы

1. В отличие от современных детских журналов, основной контент «Мурзилки» советского периода был посвящен формированию читателей как граждан СССР.
2. Читатель «Мурзилки» должен быть трудолюбивым, хотеть и уметь жить в коллек-

тиве и ставить интересы государства выше своих собственных или интересов близких. Советский союз – самая лучшая страна, в которой все счастливы, особенно дети.

3. Как гражданин молодого государства во враждебном окружении, юный читатель «Мурзилки» 1925 – 1934 гг. готовился встать в ряды пролетарской революции и уже с детства искал внутренних врагов. Он нес ответственность за старших, воспитанных во власти предрассудков, за разнообразную общественную работу и даже за успешность реализации очередной пятилетки. Именно эти читатели стали победителями в Великой Отечественной войне. Их внуки выросли в самом лучшем государстве, где все дети были абсолютно счастливы, а народы дружили друг с другом. Им нужно было только учиться и быть благодарным государству, которое предоставило ему эту возможность. Если в первый исследуемый период от деятельности юных читателей зависели успехи молодой страны, то в 1975 – 1984 гг. читатели еще только готовились стать гражданами государства.

4. В 1925 – 1934 г. нельзя было говорить о гражданской идентичности. Советский Союз рассматривался как плацдарм для дальнейшего движения революции, поэтому в читателях формировалось классовое сознание, интернационализм, готовность сражаться с «буржуями». Во второй исследуемый период у читателей воспитывается, в первую очередь, гордость за самое большое и дружное государство. Образ Советского Союза как «семьи народов», великой сплоченной державы, где все равны, соответствует образу СССР в представлениях современных россиян [Головашина О.В. Образ Советского Союза... 2013].

Литература

- Weinstock D.M. Citizenship and Pluralism // The Blackwell Guide to Social and Political Philosophy. Blackwell, Malden, Mass., 2002. P. 242.
- Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11.
- Головашина О.В. Проблема памяти и современная трансформация темпоральных представлений // Философские традиции и современность. 2013. № 1.
- Головашина О.В. Русские не хотят становиться россиянами: перспективы формирования государственной нации в России // Ineternum. 2011. № 1.
- Головашина О.В. Историческая память на современном этапе социокультурной трансформации // Ineternum. 2013. № 1.
- Головашина О.В. Проблематика памяти и развитие «memory studies» // Философские традиции и современность. 2012. № 2.
- Жуков Д.С., Лямин С.К. Исторический опыт и перспективы инклюзивного суверенитета и проблема развития национального самосознания в условиях интенсивной межкультурной коммуникации // Современные научные исследования. 2012. № 9.
- Жуков Д.С., Лямин С.К. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструмент социального развития // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11.
- Жуков Д.С., Лямин С.К. От каменного топора к всемирной паутине: прошлое, настоящее и будущее информократии // Ineternum. 2010. № 1.